

К 155-летию Санкт-Петербургской консерватории

Boris TABURETKIN
Yury Bolshiyarov (1922–2004)
For the 95th birthday anniversary

The article is dedicated to a trumpeter Yury Bolshiyarov, who was the People's Artist of the Russian Federation and Professor at the Leningrad — St. Petersburg Conservatory. The author talks about life, personality and work of his teacher, recalling the years of communication between them.

Keywords: Y. A. Bolshiyarov, A. N. Shmidt, E. A. Mravinsky, E. F. Svetlanov, V. A. Malkov, Y. I. Sharapov, V. A. Peskin, siege of Leningrad, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, St. Petersburg Philharmonic Orchestra, the St. Petersburg (Leningrad) Conservatory.

Борис ТАБУРЕТКИН
**Юрий Андреевич
Большаков (1922–2004)**
К 95-летию со дня рождения

Статья посвящена трубачу, Народному артисту Российской Федерации, профессору Ленинградской — Санкт-Петербургской консерватории Юрию Андреевичу Большакову. Автор рассказывает о жизненном пути, личности и творчестве своего учителя, вспоминает о годах общения с ним.

Ключевые слова: Ю. А. Большаков, А. Н. Шмидт, Е. А. Мравинский, Е. Ф. Светланов, В. А. Малков, Ю. И. Шарапов, В. А. Пескин, блокада Ленинграда, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской консерватории, Заслуженный коллектив России академический симфонический оркестр Санкт-Петербургской филармонии, Санкт-Петербургская (Ленинградская) консерватория.

Школа игры на трубе в Петербурге, как и в России в целом, существует немногим более полутора столетий. Естественно, что периодом расцвета исполнительства на этом самом привлекательном и популярном инструменте из группы медных духовых стал век двадцатый. И чуть более полувека, точнее всю вторую половину XX века, одним из лидеров отечественной школы был профессор Ленинградской — Петербургской консерватории Юрий Андреевич Большаков.

Вспоминать и рассказывать о человеке, который после родителей всецело определил твою судьбу, и легко, и трудно. Легко оттого, что еще живы воспоминания о занятиях и просто общении, которые всегда были

наполнены большим его человеческим участием. Профессиональные аспекты того периода почему-то вспоминаются во вторую очередь. А трудно потому, что все воспоминания будут очень личными, что неизбежно несет неполноту и однобокость в освещении деятельности и жизненного пути выдающегося педагога и человека. С некоторым трепетом, но и великой радостью берусь поделиться воспоминаниями о нем.

Родился Ю. А. Большаков 7 октября 1922 года в Москве в интеллигентной семье. Отец, будучи по образованию инженером, был наделен в большой степени и музыкальным талантом, что даже позволило ему некоторое время работать в хоре Большого театра. В семье

Ю. А. Большианов. 1950-е годы

А. Н. Шмидт

было пятеро детей, и о хорошем достатке приходилось только мечтать. В те переломные 1920-е годы мало кто в нашей стране жил беззаботно и счастливо, все лишения приходилось

преодолевать великими трудами. Вскоре отец Юрия в результате травмы голосовых связок лишился работы в театре, но помог инженерное образование. А в злополучные 1930-е годы их дружной семье был нанесен самый страшный удар — ложное обвинение и расстрел отца в 1937 году. Годом раньше, в 1936 году, талантливый юноша Юрий Большианов был принят в только что открывшуюся в Ленинграде школу-десятилетку при консерватории. Вот так в жизни великое несчастье соседствует с везением. Встреча в стенах школы с Александром Николаевичем Шмидтом, профессором консерватории по классу трубы и солистом оркестра Ленинградской филармонии, на всю жизнь определила судьбу. Можно представить себе, с какой жадностью мальчишки и девчонки того поколения предавались занятиям музыкой, компенсируя свалившиеся на них жизненные невзгоды. Успехи в занятиях на трубе пришли не сразу, для этого в те голодные годы иногда не хватало физических сил. Поэтому, проявив недюжинную дальновидность, трубач Юрий Большианов начинает параллельно осваивать контрабас. Школу он закончил сразу по двум специальностям. Как объяснял потом Юрий Андреевич, все было до банальности просто. Контрабас стал бы «запасным аэродромом» на случай, если на трубе возникли бы сложности разного свойства. Плюс ко всему, наверное, помнился пример отца, потерявшего голос. Голодное время заставляло с юных лет принимать верные стратегические решения.

Начало войны и блокаду Ленинграда Ю. Большианов встретил уже будучи музыкантом оркестра штаба округа. Оркестр своими выступлениями, в том числе и в прифронтовой полосе, давал людям надежду, помогал переносить тяготы войны, вселял уверенность в грядущей победе. В особо трудный период обороны Ленинграда музыкантов отправляли и в действующие войска, так что пришлось вплотную почувствовать запах войны и горечь потерь. Блокада унесла и жизнь матери. Эти невзгоды закалили характер, но не дали ожесточиться душе, которая неизменно тянулась к светлomu и прекрасному. Вскоре после войны Юрий Андреевич возобновляет учебу, но уже в консерватории, а затем и в аспирантуре, где его творческим руководителем станет выдающийся валторнист М. Н. Буяновский. В 1951 году А. Н. Шмидт делает Ю. Большианова своим ассистентом, а с 1953 года полностью передает ему свой класс. К этому времени Большианов уже 7 лет, с 1946 года, работал солистом оркестра Ленинградской филармонии под управлением Е. А. Мравинского, сменив на этом посту своего педагога. Это время — 1950–1960-е годы — можно назвать «золотым веком» филармонического оркестра. Первые послевоенные гастролы, премьеры симфоний Шостаковича и Прокофьева, концерты под управлением лучших мировых дирижеров — Конвичного, Абендрота, Ферреро и других. Группы оркестра укомплектованы созвездиями талантов. Имена лучших музыкантов оркестра становятся культовыми: это Генслер, Никончук, Еремин в группе деревянных; Буяновский, Козлов, Марголин и Большианов — в медной группе. Статусности добавляло и серьезное повышение зарплаты. Не относясь по своему происхождению к дворянскому сословию, эти музыканты стали настоящими аристократами в своей профессии. От них в последующие годы развилось и укоренилось такое явление среди музыкантов-духовиков, как «ленинградская школа». Блиставший в те годы в Москве выдающийся советский трубач и педагог Тимофей

После концерта и приема у короля Греции. В центре кронпринц Константин (будущий король Константин II), слева его мать, Фредерика Греческая, справа А. К. Янсонс, за ним Ю. А. Большиянов. Крайний справа — М. Л. Ростропович. 1950-е годы

Докшицер на вопрос, кого из трубачей он считает носителем передовой отечественной школы, неизменно отвечал: «Юрия Большиянова».

Вспоминая и оценивая сейчас, спустя много лет, все положительное, что было привнесено Юрием Андреевичем в подготовку высокопрофессиональных трубачей, можно сузить это до простых и понятных вещей: заниматься надо правильно и честно. Его педагогическое кредо в базовых основах технологии было таковым: ученик, а в дальнейшем студент должен добиваться четкой и аккуратной атаки, ровного во всех регистрах звука, чистоты интонирования и правильного исполнения основных штрихов. Много внимания Большиянов уделял утренним занятиям, чтобы система упражнений была выстроена с постепенным повышением нагрузки и включала в себя весь технический арсенал — от длинных нот до оборотных гамм. Очень важным он считал первые 10–15 минут, иногда и более, заниматься в нюансе пиано, чтобы губной аппарат приобретал чуткость. Но совершенствование технологии он не считал единственным приоритетом. Свобода владения инструментом нужна прежде всего для того, чтобы в полной мере решать музыкальные задачи. Музыка должна быть локомотивом для технологии — она и только она определяет стратегию ежедневных занятий. Поэтому основной упор в занятиях со студентами Большиянов делал на работе над этюдами. Десятки этюдов Вурма, Брандта, Бёме и Тронье он знал наизусть до каждой лиги или

точки. Точность следования предписанным авторским штрихам и нюансам, ритмическая и динамическая строгость были возведены в абсолют. Особенно тщательно занимался с нами Юрий Андреевич, когда мы работали над медленными этюдами Вурма. Он считал их наилучшим материалом для развития правильного дыхания. При этом редко призывал к свершению каких-либо исполнительских подвигов, не терпел в игре позерства, желания покорить кого-то сверхбыстрыми пассажами и громогласным звучанием. «На форте-то это у тебя получается, а если дирижер попросит потише? А что будешь делать в хорах?» Все это естественно происходило из основ той школы, которую Ю. А. Большиянов получил в классе Александра Николаевича Шмидта, ученика Вильгельма Вурма и Августа Иогансона.

Эти же принципы лежали в основе требований Е. А. Мравинского, под руководством которого и прошла вся оркестровая карьера Юрия Андреевича. Мравинский очень ценил и глубоко уважал Большиянова и как солиста оркестра, и как незаурядную личность. Вообще влияние Мравинского на всю музыкальную атмосферу города было, без преувеличения, всеобъемлющим. Его стремление доводить замыслы автора до совершенства нуждалось и в адекватном отношении к этому музыкантов его оркестра. От них он требовал такого же преданного служения музыке. Слова, вложенные гением Пушкина в уста Сальери, — «Музыку я разъял, как труп. Поверил я алгеброй гармонию», — если снять негативный оттенок, в большой степени отражают

Ю. А. Большианов и П. И. Кобзий (слева). За ними (справа) прогуливается Е. А. Мравинский. Флоренция, фонтан Нептуна

те принципы, на которых базировалась работа Мравинского с оркестром. Когда технологическая часть работы доведена почти до совершенства, только тогда можно добиваться великих художественных откровений и проникать в глубину авторского замысла. Юрий Андреевич часто делился с нами теми моментами репетиций Мравинского, когда музыкантам медной группы, что называется, «доставалось». Такими примерами профессор как бы предостерегал нас, давая понять, на что мы должны обращать внимание в занятиях в первую очередь. Так, рассказывая нам об исполнении одного из Ноктюрнов Дебюсси — «Празднества», где три засурдиненные трубы изображают доносящиеся издали звуки шествия, — Юрий Андреевич вспоминал, какого предельно тихого нюанса требовал Мравинский. Даже когда трубач находится в хорошей форме, проартикулировать четко триоли почти шепотом — это требует большого мастерства. Ну, а тогда, когда профессор заставлял нас в классе или на лестнице, где мы бездумно «дули» кто во что горазд, он только мог сокрушаться о тщетности наших потуг.

Есть педагоги, которые с самого начала устанавливают четкое расписание, постоянно декларируют свои требования, навязывают свою схему индивидуальных занятий, всецело подстраивая процесс обучения под себя. Юрий Андреевич вел занятия как бы исподволь. Он очень тонко и умело подбирал этюды и пьесы, помогающие развивать те качества, в достижении которых каждый из нас особенно нуждался. Например, если к нему поступал студент, обладающий уже достаточно мощным звуком, крепким верхним регистром и выдержкой, то он мог предложить ему поработать над переложениями прелюдий И. С. Баха или скрипичных сонат Генделя, где требуется другая культура звука, более строгое интонирование, точность исполнения мелизмов. И здесь уже требовательность была почти абсолютной. Исполнение сложных ритмических фигур «на глазок» не допускалось,

в динамике строжайшим образом пресекались «пузыри». Но все замечания и поправки велись в очень доброжелательной форме, сосредоточенность сменялась улыбкой, и даже легкое подтрунивание воспринималось почти как похвала. Очередной урок он часто начинал словами: «Ну, продемонстрируйте, пожалуйста, свое мастерство!» Уже в этом послы апериори было уважение к твоим возможностям, а слегка шуточный тон снимал напряжение, помогал настроиться на творчество. Вершиной же похвалы являлись слова «очень неплохо». Если ты слышал эти слова, а было это нечасто, то с занятий уходил окрыленный.

Другой момент. Иногда педагог с самыми благими намерениями ставит в пример своего лучшего ученика в прошлом или в настоящее время, призывая перенять от того все положительное. Юрий Андреевич никогда не пользовался этим приемом! По части деликатности и понимания сложности психологической составляющей педагогического процесса ему не было равных. А уж какой пример был перед нами в те годы! Это Валентин Малков — лауреат Всесоюзного и Международного конкурса «Празднества», сменивший Юрия Андреевича на посту солиста Заслуженного коллектива Республики в 1968 году. Он являл собой идеальный образец для подражания — музыкант величайшей культуры и преданности академическим традициям. Он, как никто, впитал от своего педагога самые глубинные премудрости школы. Понимая это, Юрий Андреевич в оценках тем не менее оставлял свободу выбора критериев за нами, таким образом развивая в нас инициативу мышления, дабы не было заикливания на штампах. Широкой публике уже давно известны имена выпускников его класса — джазового трубача В. Гайворонского и одного из немногих солирующих трубачей нашего города Г. Никонова. Они, каждый по-своему, существенно расширили привычные рамки и обрели свою аудиторию. И вряд ли

В классе Ю. А. Большиянова. На трубе играет Г. Никонов, за роялем — концертмейстер Е. Гаврилова. Конец 1980-х годов

состоялись бы их успехи, не будь спокойного и уравновешенного отношения профессора к необычным творческим исканиям своих подопечных, пусть многое и расходилось в них с устоями академической школы.

Но, безусловно, главными достижениями и итогами работы Ю. А. Большиянова в консерватории нужно считать то, что наши ведущие оркестры — оба филармонических оркестра, оркестры Мариинского и Михайловского театров, — в большой степени укомплектованы его учениками. Из выпускников 1950–1960-х годов следует назвать упомянутого уже В. Малкова, а также Ю. Шарапова, В. Бахтенкова, Б. Юрьева, В. Чирскова. Юрий Иванович Шарапов помимо того, что был блестящим солистом Малого оперного театра (ныне Михайловского) и дипломантом Всесоюзного конкурса (1963 год), стал впоследствии замечательным педагогом среднего звена и подготовил для своего учителя целую плеяду трубачей, украшающих в наши дни ведущие оркестры Петербурга и Москвы. Сын Ю. Шарапова, Игорь Шарапов, также некоторое время занимался в классе Большиянова, а ныне уже почти три десятка лет является солистом Заслуженного коллектива России (ЗКР), получив, как и его учитель, высокое звание Народного артиста России. В оркестрах филармонии успешно работают М. Романов, Н. Бирк, М. Михайлов, Д. Бондаревский. Заслуженный артист России М. Б. Романов более сорока лет украшает ЗКР, а в качестве педагога консерватории подготовил, в свою очередь, нынешнего солиста этого оркестра В. Дмитрова. Еще большим количеством учеников Большиянова укомплектован оркестр

Мариинского театра. Это Заслуженные артисты России Г. Кутеев, В. Кан, С. Крючков и К. Барышев, лауреаты международных конкурсов Т. Мартынов, Г. Никонов и С. Ильченко. С 1977 по 1995 год солистом оркестра Кировского (Мариинского) театра был и автор настоящей статьи. Играют в этом оркестре лауреат Всероссийского конкурса Ю. Фокин, а также В. Зайцев, А. Смирнов, И. Кравцов, артисты сценно-духового оркестра В. Вязовченко и А. Бобкин. В оркестре Михайловского театра работают выпускники класса Большиянова Д. Макаров, В. Сергеев, А. Сахаров. Ярким солистом в этом оркестре запомнился, к сожалению, рано ушедший из жизни Д. Велевин. В Москве в Российском национальном оркестре под управлением Михаила Плетнева успешно работает солистом-регулятором лауреат международных конкурсов Л. Коркин.

Не менее значителен вклад Большиянова в становление нового для того времени репертуара для трубы, который в послевоенные годы стал активно расширяться произведениями как отечественных, так и зарубежных авторов. Сразу после войны композитор С. Василенко написал замечательный Концерт для трубы с оркестром, в эти же годы появились два потрясающих концерта В. Пескина. В 1950 году А. Арутюнян явил миру свой Концерт, который впоследствии станет любимым и, возможно, самым исполняемым произведением для трубы во всем мире. Этим и другим сочинениям, не обросшим еще исполнительскими штампами, требовалось дать правильную трактовку, чтобы максимально выявить авторский замысел и раскрыть его

точно выверенными штрихами. Современные студенты, когда задаешь им новое сочинение, тут же, еще не видя нот, ищут в Интернете запись этой музыки, да еще в нескольких вариантах. Совсем не так осваивался новый музыкальный язык в те годы. Приходилось идти непроторенными тропами, доверяя своему природному музыкальному чутью, но опираться при этом на грамотно прочитанный авторский текст. Пожалуй, я бы назвал это чутье и чувство меры главными составляющими таланта Юрия Андреевича как исполнителя и педагога. Так было и с трактовкой Сонаты П. Хиндемита — можно сказать, эпохального сочинения для трубы, — и с великими пьесами французских композиторов, составляющими золотой репертуар трубачей. Трактовки Большиянова названных и других сочинений можно назвать хрестоматийными. Еще многие поколения трубачей будут пользоваться этими наработками.

Об одном из великих произведений для трубы в отечественном репертуаре, к которому прикоснулся Большиянов как исполнитель, следует рассказать особо. Это был один из ярких эпизодов в его карьере солирующего трубача. В 1953 году Большиянов подготовил к участию в конкурсе, который проводился в рамках Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Бухаресте, «Концертное аллегро» В. Пескина. В этом фестивале участвовал также симфонический молодежный оркестр, собранный из лучших молодых музыкантов СССР. В нем Ю. Большиянов играл партию первой трубы. (В программу входила недавно написанная Седьмая симфония Сергея Прокофьева, отмеченная высшей наградой того времени — Сталинской премией). Репетиции и концерты шли под руководством Евгения Светланова, в те годы набравшего силу. Позднее Е. Ф. Светланов возглавит Государственный симфонический оркестр СССР, с которым достигнет вершин музыкального Олимпа. А тогда, в Бухаресте, Светланов с одной репетиции заменил заболевшую пианистку, которая должна была играть на конкурсе с Большияновым «Концертное аллегро» Пескина. Фактура этого клавира труднейшая, она во многом напоминает рахманиновский фортепианный стиль. Но Светланов с присущим ему блеском успешно справился с этими трудностями. Их совместное выступление жюри оценило высшим баллом и присудило Большиянову звание лауреата.

В 1993 году Министерством культуры Российской Федерации и Министерством культуры Краснодарского края был учрежден Открытый конкурс исполнителей на духовых и ударных инструментах. Ю. А. Большиянов плодотворно сотрудничал с организаторами конкурса, в первые годы был председателем жюри. С 2004 года конкурс носит его имя.

Всем, кто учился и общался с Юрием Андреевичем, он запомнился не только как большой музыкант.

Его человеческий облик был безмерно притягательным, вокруг себя он постоянно образовывал какое-то поле позитива и душевного тепла. Рядом с ним всегда можно было обогреться душой, как у теплой русской печки холодными зимними вечерами. Добрая, чуть ироничная улыбка располагала всегда к хорошей беседе, откровенности. Разговоры часто касались самых широких и разнообразных тем — от обсуждения концерта до рыбалки и видов на урожай грибов. Особой любовью пользовался Юрий Андреевич у студентов и коллег по петрозаводскому филиалу (в те годы консерватория Петрозаводска была филиалом Ленинградской консерватории и наши педагоги работали там наездами). С ним там можно было позаниматься, а потом порыбачить, сходить по грибы и даже попариться в баньке. Во всем этом он знал толк, и в этом проявлялась естественность и простота его натуры.

Заканчивая воспоминания о любимом и незабвенном учителе, поделюсь еще одним сравнением. Переглядывая недавно по каналу «Культура» знаменитый фильм «Приходите завтра», я обнаружил некоторое сходство Юрия Андреевича с профессором вокала в сцене прослушивания Фроси Бурлаковой. Те, кто постарше и помнят облик Большиянова, могут со мной не согласиться: да, физиогномического сходства нет, но, право, та же стать, аккуратно зачесанные назад седые волосы, добрый и внимательный прищур глаз. Как и герой фильма, Юрий Андреевич много раз отстаивал перед руководством своих студентов, доказывая приоритет таланта перед формальностями системы. Около двух лет Большиянов возглавлял консерваторию в качестве ректора. Об этих годах он вспоминал неохотно, так как явно тяготился административными обязанностями, отдыхая от них в классе по специальности в привычной реальной работе. Но и на посту ректора он помог состояться многим музыкантам, всегда поощряя талант и трудолюбие. В заключение приведу высказывание Народного артиста СССР Арvida Янсонса, которое напечатано в биографическом словаре С. В. Болотина в статье, посвященной Ю. А. Большиянову: «Природная одаренность, любовь к музыке, трудолюбие позволили Ю. Большиянову стать инструменталистом высокого класса. Самые ответственные соло в его исполнении отличаются безупречной техникой, культурой звука, артистичностью, тонкой музыкальностью. Талантливый музыкант уже много лет в числе ведущих педагогов консерватории. Его ученики — отличные музыканты, среди них лауреаты и дипломанты всесоюзных и международных конкурсов В. Малков, В. Бахтенков, Ю. Шарапов и др. Исполнительское мастерство, незаурядный педагогический талант, постоянное стремление к совершенствованию — основные черты облика Ю. Большиянова»¹ [1, с. 37].

¹ Выражаю благодарность за предоставленные биографические сведения А. Ю. Большиянову, сыну Ю. А. Большиянова. Приношу также извинения за неточность в моей статье, посвященной 150-летию А. Б. Гордона и опубликованной в № 1 (49) за 2017 год. На исторической мраморной доске с именами выдающихся выпускников Петербургской консерватории, помимо двух упомянутых имен исполнителей на духовых инструментах, трубача А. Гордона и валторниста М. Буяновского, есть еще имя Н. Хейфеца — тромбониста, с отличием окончившего консерваторию в 1910 году по классу тромбона у П. Н. Волкова.

Литература

1. Болотин С. В. Энциклопедический биографический словарь музыкантов — исполнителей на духовых инструментах. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Радуница, 1995. 358 с.

Victor SUMERKIN

Career chooses an individual

Interview on the occasion

of the 85th birthday anniversary

An interview with the People's Artist of the Russian Federation, trombonist and pedagogue Victor Sumerkin, who is a Professor at the St. Petersburg Conservatory and who devoted 60 years of his life to teaching. The interview was conducted shortly before the anniversary — on January 3, 2018, V. V. Sumerkin turns 85. He talks about his experience in music, teachers that taught him, conductors he cooperated with and shares his thoughts on training of young musicians.

Keywords: V. V. Sumerkin, trombone, G. Miller, the Leningrad — St. Petersburg Conservatory, Music College of the Leningrad Conservatory (N. Rimsky-Korsakov Music College), Kirov (Mariinsky) Theatre, Leningrad Maly Opera and Ballet Theatre (Mikhailovsky Theatre), I. F. Stravinsky, M. D. Shostakovich, E. A. Mravinsky, T. A. Dokshizer, M. N. Buyanovsky, I. A. Gershkovich, K. P. Kondrashin, V. V. Verkholantsev, Y. A. Bolshiyarov, E. A. Ruchyevskaya, E. P. Kudryavtseva, V. A. Chernushenko, M. S. Vetrov, B. A. Nezvanov, A. N. Laschenkova, N. A. Lisitsyna, E. I. Germanova, I. E. Sherman.

Виктор СУМЕРКИН

Профессия выбирает человека

Интервью к 85-летию со дня рождения

Интервью с Народным артистом Российской Федерации, тромбонистом, педагогом, отдавшим преподавательской работе 60 лет, профессором Санкт-Петербургской консерватории Виктором Васильевичем Сумеркиным. Беседа состоялась в преддверии юбилея — 3 января 2018 года В. В. Сумеркину исполнится 85 лет. Виктор Васильевич рассказывает о своем пути в музыке, преподавателях, у которых он учился, дирижерах, с которыми ему довелось работать; делится мыслями о воспитании молодых музыкантов.

Ключевые слова: В. В. Сумеркин, тромбон, Г. Миллер, Ленинградская — Санкт-Петербургская консерватория, Музыкальное училище при Ленинградской консерватории (Музыкальное училище имени Н. А. Римского-Корсакова), Кировский (Мариинский) театр, Ленинградский Малый театр оперы и балета (Михайловский театр), И. Ф. Стравинский, М. Д. Шостакович, Е. А. Мравинский, Т. А. Докшицер, М. Н. Буяновский, И. А. Гершкович, К. П. Кондрашин, В. В. Верхоланцев, Ю. А. Большинов, Е. А. Ручьевская, Е. П. Кудрявцева, В. А. Чернушенко, М. С. Ветров, Б. А. Незванов, А. Н. Лашенкова, Н. А. Лисицына, Е. И. Германова, И. Е. Шерман.

Виктор Васильевич, расскажите, пожалуйста, как вы пришли в профессию и что повлияло на выбор инструмента?

— Мне кажется, этот вопрос имеет отношение к каждому из нас, поскольку, я полагаю, так устроена природа, что не человек выбирает профессию, а профессия

выбирает человека. Федерико Феллини, знаменитый итальянский режиссер, в своем фильме «Репетиция оркестра» сказал, что инструмент выбирает человека, и поведал, как произошла встреча с инструментом одного из героев фильма, тромбониста. Будучи ребенком, тот шел по улицам Милана вместе с мамой: они проходили